

УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

**СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Тезисы
научной аспирантско-студенческой конференции
экономического и философско-социологического
факультетов УдГУ

Ижевск 2000

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Тезисы
научной аспирантско-студенческой конференции экономического
и философско-социологического
факультетов УдГУ

Тезисы, представленные на 4-х секциях ФСФ и ЭФ отражают исследовательские интересы и результаты аналитических исследований студентов и аспирантов вышеперечисленных факультетов. В сборник вошли материалы, признанные лучшими на секционных заседаниях.

В итоге, проблема несоответствия знака и значения снимается внутри герменевтического круга в исходном принципе тождества бытия и языка. Названной проблемы не существует до тех пор, пока соблюдается целостность языковой системы, не выходящей за границы собственной реальности как собственно языковой.

А.А. Шадрин
аспирант кафедры философии УдГУ

Проблема дискурсивной позиции субъекта в концепции Ж. Лакана

Работы Ж.Лакана, посвященные проблеме субъекта и его позиции в дискурсе (в частности, “Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда”, “Ниспровержение субъекта и диалектика желания в бессознательном у Фрейда” и др.) повлекли за собой не только пересмотр ряда положений классического психоанализа в его европейском (французском) варианте, но, также, существенно повлияли на развитие философского структурализма (Ж.Батай, Р.Барт) и постструктурализма (Ж. Делез, Ж. Деррида). В постструктурализме, например, концепция Лакана, стимулировала поиск предельных оснований философской дискурсивности, что привело (через критику декартовского тезиса) к децентрализации субъекта познания и возникновению значительных трудностей, связанных с введением в философию “нулевых” конструктов мышления.

Поэтому вопрос Лакана “о том, тождествен ли я, когда я говорю о себе, тому, о ком я говорю”, можно охарактеризовать как основной, сопровождающий любую, – в том числе и предпринятую нами ниже – попытку определения места, занимаемого в речи субъектом говорения.

Проблема здесь, на наш взгляд, заключается в следующем. С одной стороны, говорящий уже каким-то образом – в той или иной форме – всегда представлен в речевом потоке, с другой же – та форма или те означающие, которые он при этом использует, в пределе постоянно отсылают его к ближайшему для него знаку. Таковым является местоимение “я”. Но поскольку “я” говорящего в качестве я-артикулирующего не указывает ни на что, кроме самого себя, постольку оно оказывается пустым именем, обладающим пустым смыс-

лом. Желание подтвердить реальность присутствия “я” в проговариваемом заставляет говорящего обратиться к собственному существованию, становящемуся теперь объектом говорения.

Пустота же, вернее, то место, которое она освобождает, обнаруживает нехватку бытия или недостаток означаемого в метонимии существования, когда желание, направленное на тот или иной объект, в результате “промахивается” мимо своей цели. Метонимическое существование по мере своего осуществления утрачивает способность желать что-либо “ставшее”, что не есть оно само: в определенный момент “я” превращается в место, где желание становится объектом самого себя.

Самосовпадение желания открывает для говорящего возможность первичной рефлексии, выражающейся в тавтологии “я есть я” или “я=я”. Но в равенстве, как отмечает М. Хайдеггер (которого “переводит” Лакан), исчезает различие. Для того, чтобы различить эти два “я”, необходима операция сравнения. Но чтобы сравнение – сравнение – началось, нужно найти “третий элемент”, т.е. то общее, что максимально сближает и в то же время – на первый взгляд – минимально отдаляет эти две точки.

Точность сравнения в языке опирается на синонимию. Синонимический ряд, выстраивающийся между одним “я” как “этим” и другим как “тем”, постоянно смещает акценты в сравнении, все более и более дистанцируя “это” от “того”. Метонимия вновь проявляет здесь то свойство, что, в стремлении компенсировать изначальную целостность равенства по частям, в конце концов, превращает последнее в принципиальное неравенство – “желаемое выдает себя за действительное”. “Это” оборачивается противоположностью “того”, когда дальнейшее сравнение уже невозможно. “Это”, ставшее антонимом “того”, замещает равенство на границе между бытием и небытием парадоксом, задающим “то же самое” (“тожество”) через его отрицание: “я есть не-я” или “я= не-я”.

Но поскольку по обе стороны “не” сохраняется присутствие “я”, постольку само отрицание также принадлежит субъекту, и никому другому. Оппозиция “желаемого” и “действительного” (областей воображаемого и символического в концепции Лакана) способна сохранить присутствие целого, заключенного между “этим” и “тем”, только путем их предельного “сжатия”. Фиксирует момент предельного сжатия и удерживает в себе его смысл в языке метафора. Крайние точки

совмещаются, мгновенно преодолевая то языковое пространство, которое разворачивал до этого метонимический ряд. Разворачивал (развертывал), по существу, в процессе пересименования (пере называния) места, откуда дистанцирование началось, компенсируя в дальнейшем собственным сопротивлением момент (ы) сокрытия или смещения субъекта, и куда оно возвратилось, предъявив это место в метафоре в качестве местоимения, т.е. “я”. “Я” предъявляет себя здесь постольку, поскольку вне зависимости от того, какими именно означающими выражена, – оформлена – метафора, отношение, в каком они находятся между собой, может быть охарактеризовано не иначе как отношение тождества, реализуемого лишь при условии саморефлексии субъекта говорения. Субъект объектное тождество и есть то означаемое, означающие которого выносят (перемещают) его на поверхность языка в метафоре, утверждающей взаимопринадлежность знака и значения в точке смысла. А так как присутствие последней становится различимо только в момент ее “схватывания” саморефлексирующим “я”, оно (“я”) узнает себя в смысле как “зеркале” собственного существования или его сущности.

Результаты проделанного выше анализа могут быть представлены следующим образом. Дискурсивная позиция субъекта зависит от того способа, каким он обнаруживает свое присутствие там, где его обреченность дает о себе знать в наиболее отчетливо проецируемых ею (языковых) состояниях. Определяя их, согласно Лакану, как состояния метонимического и метафорического пребывания говорящего в речевом потоке, мы, соответственно, выделяем два способа, посредством которых субъект говорения обозначает свое местоположение в проговаривасмом. При метонимическом способе разворачивания дискурса языковое пространство расширяется, субъект говорения как бы резервирует, оставляет (“сберегает”) позади себя то место, откуда он говорит, переименовая его, но, постоянно запаздывая – “промахиваясь” – при этом: “я” говорящего оказывается там, где оно только что было.

Метонимический ряд, доходя до предела, задает изначальное равенство в форме парадокса: “я=не-я”. Для того, чтобы выйти из логического тупика и в то же время удерживать в поле зрения обе точки, исчезновение которых неизбежно привело бы к утрате говорящим способности видения, “я” необходимо отрефлексировать это состояние. Оно должно возвратиться к тому зарезервированному (замаски-

рованному) им самим в говорении месту, чьи координаты становятся различимы лишь исходя из него самого. Это происходит в метафоре, совмещающей крайние точки там, где местоимение, идентифицирующее точку смысла, обеспечивает позиционную устойчивость “я” на пересечении синхронического (временного) и диахронического (пространственного) рядов.

О.Е. Шестаков
студент гр.24-51

Стратегии социальной адаптации молодежи г. Ижевска

В 90-е гг. российское общество переживает переломный период своего развития. Кардинальные изменения затронули все без исключения сферы общества и все его регионы. Отмечается полный распад традиционной системы ценностей, происходит смена идеалов, стремлений, жизненных установок людей. Сегодня процесс социальной адаптации молодежи осложнен условиями нестабильности, – как в состоянии массового сознания, так и экономической и политической. В связи с этим особый интерес вызывает изучение особенностей этого процесса в современных условиях.

Под социальной адаптацией нами будет пониматься процесс активного приспособления индивида к условиям новой социальной среды. Соответственно под стратегией социальной адаптации мы будем понимать набор действий индивида в процессе его приспособления к условиям новой социальной среды.

В феврале-апреле 1999 года Центром медицинской профилактики Управления здравоохранения г. Ижевска было проведено социологическое исследование на тему «Социальная адаптация молодежи г. Ижевска». Объектом исследования выступили учащаяся и безработная молодежь г. Ижевска в возрасте 14-24 лет. Предметом исследования являлся процесс социальной адаптации молодежи г. Ижевска.

В ходе проведения исследования были сделаны следующие выводы.

В целом, выбор стратегии адаптации во многом обусловлен привитыми в семье ценностями, примером родителей, и прямо не связан с уровнем материального благополучия семьи.